Эрнест Соса и Линда Загзебски: виртуозная эпистемология

Александр Клеймёнов

Fractal Academy
Выпуск 3 (Осень 2026). Блок V, Статья 11
Серия: «Мыслители, изменившие карту сознания: от „трудной проблемы“ к новой педагогике»
Автор: Александр Клеймёнов
ORCID: 0009-0004-9404-2400
DOI: [будет присвоен]
Дата публикации: 1.11.2026

© 2026 Александр Клеймёнов. Данная работа (на русском и английском языках) лицензирована на условиях Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License.
Название (рус.): «Эрнест Соса и Линда Загзебски: виртуозная эпистемология»
Название (англ.): «Ernest Sosa and Linda Zagzebski: Virtue Epistemology»
Ссылка: https://fractal-academy.ru/articles/article-3-5-11/
(CC BY-SA 4.0)

Аннотация

В этой статье я обращаюсь к философской традиции, которая лежит в основании моей модели, но до сих пор оставалась в тени: к виртуозной эпистемологии (virtue epistemology). Её основоположники, Эрнест Соса и Линда Загзебски, совершили поворот, который часто остаётся незамеченным за пределами узкого круга специалистов: они сместили фокус эпистемологии с убеждений на познающего. Не «что делает убеждение истинным?», а «что делает человека способным достигать истины?». Этот поворот имеет прямое отношение к модели КПКЛ. Если трудная проблема сознания - это парадигмальная проблема, требующая когнитивного акта переосмысления, то решение зависит не от накопления данных, а от качеств познающего субъекта. Виртуозная эпистемология даёт философский язык для описания этих качеств. Соса говорит о надёжных когнитивных способностях, Загзебски - об интеллектуальных добродетелях. Я показываю, что одиннадцать ментальных механизмов КПКЛ - это конкретизация этих двух подходов применительно к конкретной задаче. Именно в этом смысле педагогика, формирующая эти механизмы, становится не «передачей знаний», а воспитанием виртуозного познающего.

Ключевые слова: виртуозная эпистемология, релайабилизм, респонсибилизм, интеллектуальные добродетели, надёжные когнитивные способности, Соса, Загзебски, коммуникативно-познавательный каркас личности, ментальные механизмы, педагогика.

Стрелок, который попал случайно

В предыдущих статьях этой серии я прошёл долгий путь. Я начал с «трудной проблемы» Дэвида Чалмерса и показал, что она является проблемой исчерпанной концептуальной рамки, а не проблемой недостающих данных. Я разобрал ответ Колина Макгинна на вопрос о том, можем ли мы её вообще решить, и показал, что его пессимизм основан на ложной предпосылке - на представлении о мозге как о биологически фиксированной структуре. Я показал, что человеческий мозг открыт для культурной и педагогической эволюции. И я наметил, какие именно когнитивные механизмы должны быть сформированы, чтобы акт решения трудной проблемы стал возможен [7; 8].

Но здесь возникает вопрос, который я до сих пор откладывал. Что значит быть познающим, способным к такому акту? Что за качество отличает исследователя, который способен выйти за пределы исчерпанной парадигмы, от исследователя, который блестяще решает головоломки внутри неё? Можно ли описать это качество философски строго?

Именно на этот вопрос отвечает традиция, к которой я обращаюсь в данной статье. Она называется виртуозной эпистемологией, и её основоположники - Эрнест Соса и Линда Загзебски - совершили поворот, который я считаю одним из самых важных в философии познания XX века. Суть его такова: эпистемология должна заниматься не убеждениями, а познающим. Не «что делает убеждение истинным?», а «что делает человека способным достигать истины?». Это смещение может показаться незначительным, но оно меняет всё. Оно превращает эпистемологию из логики пропозиций в учение о когнитивных качествах субъекта. А учение о когнитивных качествах имеет прямое отношение к педагогике, потому что качества можно формировать.

Классическая эпистемология, та, которая доминировала в аналитической философии со времён Декарта и до середины XX века, занималась убеждениями. Её центральный вопрос звучал так: «Что превращает истинное убеждение в знание?» Декарт отвечал: «Ясность и отчётливость». Кант отвечал: «Синтез априорных форм и эмпирического материала». Логический позитивизм отвечал: «Верификация». Во всех этих случаях фокус был на свойствах убеждения, на том, что делает его обоснованным, истинным, надёжным. Виртуозная эпистемология смещает фокус: знание - это не свойство убеждения, а свойство познающего. Убеждение является знанием не потому, что оно обладает некими внутренними свойствами, а потому, что оно является продуктом определённых качеств субъекта.

Представьте двух стрелков. Первый попадает в цель случайно: он не умеет целиться, но ему повезло. Второй попадает потому, что у него твёрдая рука и верный глаз. С точки зрения эпистемологии убеждений, оба выстрела «истинны»: оба попали в цель. Но с точки зрения виртуозной эпистемологии, только второй выстрел является успешным в подлинном смысле слова, потому что он является результатом навыка, а не случайности. Соса использует эту метафору в работе «A Virtue Epistemology» именно для того, чтобы объяснить различие между «удачей» и «успехом»: успех - это не просто попадание в цель, а попадание, которое является результатом уместной способности [3]. Знание, по Сосе, - это «уместное убеждение», убеждение, которое является таковым благодаря надёжности когнитивной способности, а не случайности.

Здесь уместно вспомнить, как Аристотель различал действие, совершённое по добродетели, и действие, которое лишь случайно совпало с добродетельным поступком. Человек может отдать деньги нуждающемуся из страха, из расчёта или из привычки, а может - потому что он щедр. Внешне поступок один и тот же, но внутренняя структура разная. Виртуозная эпистемология переносит это различение в область познания: можно случайно оказаться правым, а можно знать - то есть быть правым благодаря тому, что ты за познающий. Это различие старо как сама философия, но в эпистемологии оно было артикулировано только к концу XX века.

Надёжность: Соса

Эрнест Соса (род. 1940) - американский философ кубинского происхождения, один из самых влиятельных эпистемологов современности. Его подход называется релайабилизмом (от англ. reliable - надёжный), и суть его можно сформулировать так: знание - это убеждение, порождённое надёжной когнитивной способностью [1; 2; 3]. Надёжная способность - это такая, которая в нормальных условиях приводит к истине чаще, чем к ошибке. Восприятие, память, интуиция, интроспекция, дедукция - всё это надёжные способности. Когда я вижу перед собой стол, моё убеждение «передо мной стол» является знанием не потому, что я могу его обосновать (хотя могу), а потому, что оно порождено надёжной способностью, зрением, которое в нормальных условиях не обманывает.

Соса различает два типа знания. «Animal knowledge» - это знание, которое является результатом надёжной способности, но не включает рефлексию над ней. «Reflective knowledge» - это знание, которое включает рефлексию над собственной надёжностью, над тем, почему способность работает и где её пределы. Для моей модели важно именно второе. Трудная проблема сознания требует reflective knowledge: знания, которое включает рефлексию над собственными когнитивными процессами. Исследователь, который просто фиксирует корреляции, обладает animal knowledge о мозге. Но он не обладает reflective knowledge о том, почему эти корреляции существуют. Чтобы перейти от первого ко второму, нужна рефлексия над собственными когнитивными способностями, а это и есть то, что я называю развитием ментальных механизмов.

Релайабилизм Сосы часто критикуют за то, что он не даёт достаточного места ответственности познающего. Если знание - это просто результат надёжного процесса, то познающий не несёт ответственности за свои убеждения: он просто «использует» способность, которая работает автоматически. Именно на это указывает Загзебски, предлагая альтернативный подход, респонсибилизм. Это различие важно для моей модели, потому что оно показывает, что виртуозная эпистемология неоднородна: в ней есть два полюса, и каждый даёт что-то своё для понимания КПКЛ.

Тяжесть ответственности: Загзебски

Линда Загзебски (род. 1956) - американский философ, одна из самых влиятельных эпистемологов и этиков современности. Её подход называется респонсибилизмом (от англ. responsible - ответственный), и суть его можно сформулировать так: знание - это убеждение, порождённое ответственным действием познающего [4; 5; 6]. Различие с Сосой тонкое, но принципиальное. Для Сосы знание - это результат надёжного процесса. Для Загзебски знание - это результат ответственного действия. Надёжность - свойство процесса; ответственность - свойство агента. Соса спрашивает: «Работает ли способность?» Загзебски спрашивает: «Прилагает ли агент усилия, чтобы достичь истины?»

Это различие имеет следствия для понимания добродетелей. У Загзебски интеллектуальные добродетели - не просто надёжные способности. Это черты характера, которые мотивируют познающего к достижению истины. Открытость - это не просто способность воспринимать новое; это готовность воспринимать новое, даже если оно противоречит убеждениям. Интеллектуальная смелость - это не просто способность рисковать; это готовность рисковать, чтобы достичь истины. Честность - это не просто способность говорить правду; это готовность говорить правду, даже если это невыгодно.

Именно это сближает эпистемологию с этикой. Загзебски прямо говорит об интеллектуальных добродетелях как об аналогах моральных добродетелей. Как мужество является добродетелью моральной, так и интеллектуальная смелость является добродетелью эпистемической. Как моральные добродетели можно воспитывать, так и интеллектуальные добродетели можно формировать через педагогику. Это не значит, что эпистемология сводится к этике; это значит, что они имеют общую структуру, обе занимаются качествами агента, которые можно формировать через воспитание.

Различие между способностью и добродетелью у Загзебски - это различие между «мочь» и «хотеть». Способность - то, что человек может делать; добродетель - то, что человек склонен делать, потому что это соответствует его характеру. Можно иметь способность к критическому мышлению и не иметь добродетели критического мышления: человек, который может критически мыслить, но не склонен это делать, потому что это неудобно. Загзебски говорит, что знание требует именно добродетели, а не просто способности. Для педагогики это важно: развитие добродетели требует не только тренировки навыка, но и формирования мотивации.

Загзебски также вводит понятие эпистемической ответственности. Познающий несёт ответственность за свои убеждения. Он не может оправдываться тем, что «так получилось» или «я не знал». Если он сформировал убеждение без должного усилия, он несёт ответственность за это, как человек несёт ответственность за неосторожное вождение. Исследователь, который принимает парадигму «мозг как компьютер» без рефлексии над её основаниями, несёт эпистемическую ответственность за это. Он не может оправдываться тем, что «так принято» или «все так думают». Он должен был приложить усилие, чтобы проверить основания. И если он этого не сделал, его убеждение не является знанием, даже если оно случайно истинно.

Респонсибилизм Загзебски часто критикуют за то, что он ставит слишком высокие требования к познающему. Если знание требует ответственности, то большинство наших обыденных убеждений не являются знанием, потому что мы не прилагаем усилий для их проверки. Загзебски отвечает на это, различая «знание» и «ответственное знание». Обыденные убеждения могут быть знанием в слабом смысле (они порождены надёжными способностями), но они не являются ответственным знанием. Для решения трудной проблемы нужно именно ответственное знание, знание, за которое познающий готов нести ответственность.

Две руки одной задачи

На первый взгляд, различие между Сосой и Загзебски может показаться техническим. Оба говорят о виртуозной эпистемологии, оба фокусируются на познающем, оба связывают знание с качествами агента. В чём же разница? Разница в направлении объяснения. Соса объясняет знание снизу вверх: от надёжных процессов к истинным убеждениям. Загзебски объясняет знание сверху вниз: от ответственного агента к надёжным процессам. Для Сосы первична надёжность способности; для Загзебски первична ответственность агента. Это различие можно сформулировать через различие между знанием и мудростью. Соса описывает

знание: уместное убеждение, порождённое надёжной способностью. Загзебски описывает мудрость: ответственное убеждение, порождённое добродетельным характером.

Для педагогики это различие имеет прямые следствия. Если прав Соса, то педагогика должна фокусироваться на развитии способностей: тренировать восприятие, память, логику, интуицию. Если права Загзебски, то педагогика должна фокусироваться на формировании характера: воспитывать открытость, смелость, честность, настойчивость. Но для решения трудной проблемы нужно и то, и другое. Нужны надёжные способности, иначе исследователь будет ошибаться. Нужна и ответственность, иначе он будет использовать способности без рефлексии над их основаниями.

Моя модель КПКЛ пытается совместить оба подхода. Одиннадцать ментальных механизмов - это не просто способности (как у Сосы) и не просто добродетели (как у Загзебски). Это способности, которые включают в себя диспозицию к их использованию. ММ-6, критическое мышление, - это не просто способность критически мыслить; это склонность критически мыслить, которая включает и способность, и мотивацию. Именно поэтому моя модель ближе к Загзебски, чем к Сосе: она требует не только развития навыка, но и формирования ответственного отношения к его использованию. Но без Сосы она потеряла бы представление о надёжности: о том, что способность должна работать, а не только быть мотивированной. Виртуозность - это не просто желание играть хорошо; это желание, соединённое с умением.

Школа, которая спрашивает «как»

Виртуозная эпистемология меняет наше понимание того, что такое образование. Традиционно образование понимается как передача знаний: учитель передаёт ученику информацию, ученик её запоминает, экзамен проверяет, запомнил ли он. Виртуозная эпистемология говорит: это не образование, а дрессировка. Образование - это формирование качеств познающего, которые делают его способным достигать истины самостоятельно. Это различие имеет практические следствия. Если образование - передача знаний, то главный вопрос: «Что должен знать ученик?» Если образование - формирование виртуозного познающего, то главный вопрос: «Каким должен стать ученик?» Первый вопрос ведёт к стандартизации содержания. Второй - к индивидуализации развития. Первый ведёт к экзаменам. Второй - к диагностике динамики.

Именно это различие лежит в основе моей модели. Традиционная школа спрашивает: «Что ученик знает?» Моя модель спрашивает: «Как ученик познаёт?» Традиционная школа оценивает результат. Моя модель оценивает прогресс в развитии когнитивных качеств. Традиционная школа готовит «успешных выпускников». Моя модель готовит виртуозных познающих. И это различие - не просто педагогическая тонкость. Это различие между двумя типами образования, которые ведут к разным типам общества. Образование как передача знаний воспроизводит существующее общество: ученики усваивают то, что уже известно, и становятся функционерами существующей системы. Образование как формирование виртуозного познающего создаёт агентов изменения: ученики становятся способными не только усваивать, но и переосмыслять, то есть менять сами рамки, в которых они мыслят. Для решения трудной проблемы нужно именно второе.

Здесь я должен признаться в одном сомнении. Когда я говорю о «виртуозном познающем», я рискую создать ещё один идеал, ещё одну планку, до которой никто не дотягивает. Аристотель говорил о добродетели как о середине между крайностями, и мне кажется, что в разговоре о виртуозности легко впасть в одну из них: либо в культ гениальности, где виртуоз - это редкий экземпляр, либо в уравниловку, где виртуозом объявляется каждый, кто прошёл тренинг. Ни то, ни другое неверно. Виртуозность, о которой говорят Соса и Загзебски, - это не гениальность и не диплом. Это качество работы, которое можно развивать у любого человека, но нельзя гарантировать никому. Педагогика может создать условия, в которых виртуозность вероятна, но не может её «произвести». И это, пожалуй, самая честная формулировка того, что я имею в виду.

Далёкое и близкое

Виртуозная эпистемология может показаться далёкой от нейронауки. Что общего у надёжных когнитивных способностей и интеллектуальных добродетелей с фМРТ, коннектомом и квалиа? Ответ: всё. Трудная проблема - это не проблема данных. Это проблема познающего, который не способен выйти за пределы исчерпанной парадигмы. Виртуозная эпистемология даёт язык для описания того, каким должен быть познающий, чтобы такой выход стал возможен. Соса говорит о надёжных способностях. Загзебски говорит

об ответственных добродетелях. Вместе они описывают виртуозного познающего, человека, который обладает и способностями, и мотивацией, и рефлексией, и ответственностью.

Моя модель КПКЛ - конкретизация этого идеала применительно к задаче решения трудной проблемы. Одиннадцать ментальных механизмов - это не просто полезные навыки. Это конкретные качества, которые делают познающего виртуозным. И педагогика, которая их формирует, - это не передача знаний. Это воспитание виртуозного познающего. Именно в этом смысле я говорю, что педагогика - стратегия эволюции когнитивного потенциала вида. Не потому, что она «решает трудную проблему», а потому, что она создаёт условия, без которых решение невозможно. Виртуозная эпистемология объясняет, почему это так. И именно поэтому она является философским фундаментом всей моей модели.

Но здесь я снова возвращаюсь к вопросу, с которого начал. Что значит быть познающим, способным к решению трудной проблемы? Ответ: это значит быть виртуозным познающим в смысле Сосы и Загзебски. Но виртуозность не дана от рождения - она формируется через педагогику. Это и есть главный тезис статьи: виртуозная эпистемология не просто описывает познающего, она предписывает педагогику. Если мы хотим, чтобы трудная проблема была решена, мы должны формировать виртуозных познающих. А это значит - перестраивать образование. Перестраивать не по образцу фабрики, выпускающей стандартные детали, а по образцу мастерской, в которой каждый ученик работает над своим инструментом. Иногда инструмент ломается. Иногда ученик теряет интерес. Иногда мастер ошибается. Но в этой мастерской есть то, чего нет на фабрике: возможность стать другим. И, может быть, именно эта возможность - единственное, что действительно стоит передавать.

Ссылки на первоисточники

1. Sosa E. The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge // Midwest Studies in Philosophy. - 1980. - Vol. 5. - P. 3-25.
2. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. - Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
3. Sosa E. A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. - Oxford: Oxford University Press, 2007.
4. Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
5. Zagzebski L. Epistemic Value and the Primacy of What We Care About // Philosophical Papers. - 2004. - Vol. 33, No. 3. - P. 353-377.
6. Zagzebski L. On Epistemology. - Belmont, CA: Wadsworth, 2009.
7. Клеймёнов А. Основные ментальные механизмы: структура коммуникативно-познавательного каркаса личности // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 1. - Ст. 5. https://fractal-academy.ru/articles/article-1-5/
8. Клеймёнов А. Эпистемологическая рекурсия в когнитивной науке: ментальные механизмы как инструмент преодоления «трудной проблемы» сознания // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 3. - Ст. 1. https://fractal-academy.ru/articles/article-3-1/

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи.
Финансирование
Исследование выполнено без внешнего финансирования.
Заявление о доступности данных
Данные, обсуждаемые в статье, содержатся в тексте публикации. Дополнительные материалы можно запросить у автора.
Вклад автора
Александр Клеймёнов - концепция, исследование, написание текста, финальная правка.

Отказ от ответственности

Мнения, точки зрения и данные, содержащиеся в публикациях Fractal Academy, принадлежат исключительно автору(ам) и не обязательно отражают позицию издателя или редакции. Fractal Academy и редакция не несут ответственности за любой ущерб, возникший в результате использования идей, методов, инструкций или материалов, упомянутых в публикациях.
Ответственность за соблюдение авторских прав, точность цитирования и достоверность фактов лежит на авторе(ах) публикации.